

А. БИЛИМОВИЧ

Критикам И. А. Ильина

Трудно указать современную русскую книгу, которая вызвала бы столь ожесточенные нападки, как книга проф. И. А. Ильина «О сопротивлении злу силой» *. В нападках этих проявлено очень много злобы по адресу автора и защищаемой им идеи. И что любопытно. Вся эта злоба изливается во имя христианства. От этого во всех этих нападках чувствуется глубокая фальшь. Я имею в виду выступление против Ильина «Пути» в лице Н. А. Бердяева, заметку Ф. А. Степуна «Об общественно-политических путях» в последней книжке «Современ<ных> зап<исок>», где Степун восхищается «превосходной отповедью», данной Ильину Бердяевым «из глубины христианских чувств», наконец, «отповедь» Ильину со стороны проф. В. В. Зеньковского в той же книжке «Современных записок».

Все эти «превосходные отповеди», если бы они оказали влияние, достигли бы только одного. Это, захватив людей ссылкой на христианство, размягчило бы руку народа, собирающего силы для свержения впившегося в него жестокого врага.

Получается наводящее на грустные размышления положение. Большевики обманули русских простых людей, пообещав им свободу, равенство и братство. На эту ложь они поймали народ, оседлали его и сейчас сосут его труд и льют его кровь для того, чтобы быть у власти. Но туман рассеивается. Массы уже видят обман, и крепнет «народный гнев». И вот в это время каждый призыв к борьбе находит здесь, в эмиграции, целую группу религиозных писателей, вероучителей и светских «пророков», прилагающих все усилия к тому, чтобы ссылками на

* Помещая статью почтенного А. Д. Билимовича, редакция имеет в виду вернуться к предмету спора, явно возбудившего большой интерес в зарубежье. — *Ред.*

христианскую любовь отвести от большевиков заносимый над ними меч истории. Когда же Ильин выступил с книгой, доказывающей христианскую правду и праведность этой борьбы, светские «пророки» потеряли всякое самообладание.

Куда девалась их христианская любовь и незлобивость, на которые они так усиленно ссылаются? Почему эти люди считали в свое время моральной и христианской, например, «Думу народного гнева», а призыв Ильина к священной борьбе считают кощунством? Почему требующие сейчас христианской любви сотрудники «Современных записок» не вспоминали об этой любви, когда их товарищи по журналу, если не по партии, признавали возможным бросать бомбы в выходящих из церкви губернаторов, разрывая при этом ни в чем не повинных молящихся. Вот эти две мерки у рассматриваемых писателей уничтожают всякое доверие к их писаниям и ссылкам на христианство.

Однако такие писания — мы уверены — не поколеблют веру русских людей в правоту и праведность активной борьбы с большевизмом. И когда представится возможность подлинной борьбы оружием, верующих русских воинов не обманут заявления о «соблазне национализма», о «ложной романтике государственности», о том, будто «путь Православия есть путь... отступления перед буйством злых сил» и будто «острое непримирничество и правда Христовой любви с трудом могут сжиться одно с другим». Не остановит их и то заявление, которое нельзя не назвать дерзким в устах мирянина запугиванием, а именно будто «благословение Церкви на участие в войне... не снимает ответственности на Страшном Суде». Лучше будет думать о своих ответах. А воинам, готовым за народ свой и за веру отцов живот свой положить, предоставим самим дать Богу ответ. Неизвестно, кому легче будет предстать перед Судьей праведным и кто будет ближе сердцу Судии: такой воин или профессор, в жизненных удобствах читающий этому воину христианские морали.

Напрасно также критики противопоставляют понятия «христоролюбивое воинство» и «православный меч», признавая первое и отвергая второе. Тождественность этих понятий многократно засвидетельствована в русской истории. Разве не яркое свидетельство этому было, когда наиболее чтимый русский святой не только благословил русского князя и его воинство на бой с поработителями, но и послал князю двух молодых сильных иноков, послал их на бой, т. е. убивать врагов. Разве не запечатлена эта тождественность теми многочисленными и как

раз морально наиболее высокими представителями православного духовенства, которые в качестве военных священников не только молились за воинов, не только причащали больных и умирающих, не только хоронили умерших, но с поднятым крестом шли вперед и вели людей в бой, то есть не только умирать, но и убивать «за Русь святую и за веру православную». Это ли не слияние, кровью этих служителей Церкви и кровью воинов запечатленное слияние «христоролюбивого воинства» и «православного меча»?

Так строилась и создавалась Русь. И что бы ни писали мнящие себя новыми пророками православия — так будет она и возрождена. Какое-то воинство, которому в конце концов тошно станет быть интернациональным «красным» и которое неудержимо потянет вновь стать русским «христоролюбивым воинством», — это вновь нашедшее себя воинство с мечом, осиянным православным крестом, подымет борьбу за освобождение своей православной Руси.

И все слабые и жалкие должны с величайшим почтением преклониться перед такой борьбой, как перед подлинно христианской. Ибо именно о ней сказано Христом; «Никто же больше себя любви имать, да кто душу свою положит за други своя»¹. Все мы должны посильно помогать делу этой борьбы. Ибо она трудна, враг хитер и жесток, а силы наших борцов разрознены и большевистским шпионажем постоянно выслеживаются.

Книга профессора Ильина «О сопротивлении злу силой» есть идейная помощь делу этой борьбы. А потому тяжкий грех берет на свою душу тот, кто при столь тяжелых условиях морально расслабляет собирающиеся силы, доказывая им, будто борьба противна христианству, которое-де допускает лишь путь «отступления перед буйством злых сил».

